

1.3. Фактор исторического воображения в структуре современной политики памяти

В настоящем разделе представлен теоретический анализ фактора исторического воображения, который рассматривается в качестве структурного компонента современной политики памяти. Иерархия основных понятий, на которых зиждется сфера *memory studies* (среди них и «историческая политика», и «политика памяти», и «политическое использование прошлого»¹¹²), говорит о доминировании в данной области исследований структурно-функционального анализа. В связи с этим, дальнейшие наши рассуждения о встраивании фактора воображения в существующую структуру будут, преимущественно, строиться в логике этого подхода, тогда как другие методологии будут представлены в виде «частных случаев», позволяющих преодолеть внутренние ограничения, присущие структурному функционализму.

Среди этих ограничений следует, прежде всего, выделить ставку, которую структурно-функциональный анализ делает на инструментальном характере проводимых исследований. В связи с этим, когда речь заходит о политике памяти, в большинстве случаев мы имеем дело с обезличенной структурой, которая разворачивается тем или иным образом, чтобы предложить адекватный «инструмент» для выполнения поставленной задачи: в частности, использования прошлого в политических целях. Таким образом, если описывать ситуацию в хайдеггеровских терминах, анализ фактора воображения в структуре политики памяти позволит преодолеть заикленность структурного функционализма на так называемых *means-to-an-end schema*¹¹³.

Во-вторых, такие ключевые понятия как «политика памяти» и «историческая политика» часто подаются как синонимичные, в том числе и в силу того, что с точки зрения такого сугубо утилитарного подхода наличие в одном из понятий такого слова как «память» не имеет принципиального значения, поскольку его приверженцы не видят в коллективной памяти ничего кроме манипулируемого

¹¹² Методологические вопросы изучения политики памяти. Москва; Санкт-Петербург, 2018.

¹¹³ Heidegger M. The Question Concerning Technologies. New York; London: Garland Publishing. 1977. P. 3–36.

объекта, лишённого собственного онтологического веса¹¹⁴. Подобная интерпретация феномена памяти будет рассмотрена нами в дальнейшем, поскольку, не отрефлексировав данную позицию, затруднительно будет выйти на проблематику «исторического воображения» в рамках «политики памяти».

Настоящий раздел не претендует на статус дисциплинарного прорыва, раз и навсегда изменившего бы *status quo* всей области, но стремится выступить с аргументированным предложением ещё одной исследовательской оптики, которая вполне могла бы обогатить методологический опыт предшественников.

Каким образом можно приблизиться к реализации задуманного? В первую очередь, нам необходимо обнаружить своего рода «точку проникновения», через которую фактор «воображения» сможет корректно – по возможности, не вступая в противоречие с существующей структурой – введен в предметную область политики памяти. Есть основания полагать, что в качестве такой точки может выступить «символическая политика» как смежная с «политикой памяти» категория *memory studies*, поскольку «воображение» так или иначе является основой образного мышления человека, в то время как символическая политика имеет дело с производством и навязыванием людям определенных образов реальности, которые по тем или иным причинам выгодны власти имущим¹¹⁵.

Здесь, по меньшей мере, можно привести две точки зрения относительно структурных взаимосвязей между «политикой памяти» и «символической политикой», поскольку дебаты между ними выступают наглядной иллюстрацией того, насколько существенным в *memory studies* является предварительный выбор исследовательской оптики. Значимый отечественный специалист в области политического дискурс-анализа и коммуникаций О.Ю. Малинова во введении к сборнику научных статей «Символические

¹¹⁴ Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера, М.А. Липмана. Москва: Новое лит. обозрение, 2002. 648 с.

¹¹⁵ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.

аспекты памяти в современной России и Восточной Европе» предложила собственное прочтение этой иерархии и, что неудивительно, сделала это с дискурсивных позиций, то есть рассмотрела ее через призму совокупности публичных взаимодействий, столкновения дискурсов в борьбе за гегемонию в области интерпретации значимых событий прошлого¹¹⁶.

«Символическая политика» выступает здесь куда более всеобъемлющим понятием и включает в себя «политику памяти» как ее некий «частный случай». Согласно О.Ю. Малиновой, в анализе мы всегда сталкиваемся с целой плеядой символически насыщенных дискурсов, которые воспроизводят разные (в том числе, противоречащие) способы интерпретации реальности в борьбе за доминирующую позицию. Дискурс, победивший в данной борьбе за легитимность, начинает формировать актуальную повестку политики памяти¹¹⁷. Следовательно, прежде всего, О.Ю. Малинова видит в конкретных методах изучения «политики памяти», к которым относятся исследование нарративов, музейные, другие коммеморативные практики, исторические реконструкции, инструментарий символической политики. Но это совершенно не означает обратного, а именно, что каждый элемент обширной структуры символической политики найдет свое отражение именно в структуре политики памяти как явления более частного по отношению к нему.

Таким образом, выстраивая собственные рассуждения с дискурсивных позиций, мы будем вынуждены признать, что введение фактора «воображения» в предметную область исследования через символическую политику не гарантирует нам раскрытие его в структуре «политики памяти» – более органичным было бы сконцентрироваться уже на структурных аспектах «символической политики» как таковой, а «политику памяти» просто вывести из основного фокуса исследования. Однако возразить такому подходу к понимаю категориального аппарата гото-

¹¹⁶ Малинова О.Ю., Миллер А.И. Введение. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сб. ст. Санкт-Петербург: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. 2021. С. 7–37.

¹¹⁷ Там же. С. 15.

ва группа уральских ученых (О.Ф. Русакова¹¹⁸, В.М. Русаков¹¹⁹, Е.Г. Грибовод¹²⁰, Д.М. Ковба¹²¹ и др.), которые в качестве точки отсчета любого исследования под эгидой *memory studies* выбирают именно «политику памяти», интерпретируя ее с позиций структурного функционализма, то есть как систему государственного управления коллективными представлениями о прошлом¹²².

Согласно этому подходу, «политика памяти» имеет разветвленную структуру, которая напоминает собой своеобразный зонт, стержень которого нацелен на закрепление в коллективной памяти народа определенных способов интерпретаций прошлого, что были сконструированы через производство политически значимых смыслов, образов, символов, мифов, нарративов и прочего¹²³. В качестве своего рода спиц воображаемой конструкции выступают социально-гуманитарные ресурсы и технологии («инфраструктура памяти»¹²⁴). На них государство как главный мнемонический актор «натягивает» полотно, символизирующее искомую

¹¹⁸ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Современный дискурс политики памяти // Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / под ред. Л.В. Сморгунова. Москва: Аспект пресс, 2015. С. 226–238.

¹¹⁹ Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики национальной памяти на постсоветском пространстве. К постановке проблемы // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2020. № 2 (39). С. 27–47.

¹²⁰ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти...

¹²¹ Ковба Д.М. Политика памяти в контексте теории «мягкой силы» // Культурная память и культурная идентичность: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. молодых ученых (XI Колосницынские чтения). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 93–96.

¹²² Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика // Научный журнал «Дискурс-Пи». 2019. № 2 (35). С. 28–41.

¹²³ Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю. Дискурс политики памяти... С. 160.

¹²⁴ Русаков В.М., Русакова О.Ф. Инфраструктура новой политики...

национальную идентичность, что раскрывается в комплексе мировоззренческих и поведенческих моделей, укрепляя легитимность существующей власти¹²⁵. Коммеморативные практики в исполнении ключевого мнемонического актора в этой образной схеме можно представить в виде «спускового механизма», который позволяет всей зонтичной конструкции «развернуться» в полном объеме.

Опираясь на данное развернутое в виде метафоры определение, логично предположить, что «политика памяти», воспринимаемая «как система государственного управления коллективными представлениями о прошлом»¹²⁶, включает в свою внутреннюю структуру конкретные элементы символической политики, среди которых наличествует полноценный репертуар символических объектов: как нематериальных (знаки, символы, образы, ритуалы), так и материальных (памятники, мемориалы, экспозиции). Данные объекты формирует и закрепляет в своих коммеморативных практиках действующая политическая система, обладающая институциональной инфраструктурой и набором соответствующих ресурсов¹²⁷. Таким образом, если в данной структуре фактор исторического воображения вводится нами как элемент символической политики, он автоматически оказывается одним из объектов структуры политики памяти, что и требовалось с точки зрения позиционирования настоящего исследования!

Что касается особого статуса такого феномена как «память», о котором шла речь в контексте обнаружения предпосылок для развертывания дискурса о воображении, то и здесь существуют как минимум две фундаментальных позиций, лишь одна из которых обеспечит нам должный плацдарм для исследования фактора исторического воображения в структуре современной политики памяти. Обе эти традиции признают, что данная политика оперирует с «памятью» как со сложным, многосоставным феноменом, но они по-разному интерпретируют его сущность. Первая восходит еще к исследованиям в области «внутреннего усмотрения» Дж. Локка¹²⁸,

¹²⁵ *Русакова О.Ф., Грибовод Е.Г., Моисеенко Я.Ю.* Дискурс политики памяти... С. 160.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ *Локк Дж.* Избранные философские произведения. В 2 т. Т. 1. Москва: Соцэкгиз, 1960. 532 с.

но наиболее яркое выражение она получила в трудах Э. Гуссерля, в связи с чем можно условно обозначить эту традицию как «феноменологией индивидуальной памяти»¹²⁹. В общих чертах, акцент здесь делается на «спаянности» различных состояний индивидуального сознания, в то время как феномен «коллективного сознания» фактически не подлежит рассмотрению. Соответственно, можно сделать вывод, что данная традиция не предусматривает какой бы то ни было социологической трактовки индивидуальной памяти, и потому двигаться в ее фарватере кажется сомнительной перспективой, если идет речь об исследовании фактора воображения в структуре политики памяти.

Тем не менее, кратко охарактеризуем проблематику воображения в целом, как она видится в рамках этой традиции, поскольку важным достижением ее дискуссий является исследование границы между понятиями «воображение» и «память». Французский философ П. Рикер на страницах своей фундаментальной книги «Память, история, забвение» приводит череду рассуждений, которые иллюстрируют неразрывную связь «воображения» и «памяти» в ретроспективе философских изысканий XX века¹³⁰. Общим пространством для них является «приведение в присутствие» того, что сейчас отсутствует; разъединяет же их свойственное воображению «отвлечение от реальности и видение ирреального», и напротив, свойственное памяти «полагание предшествующего реального»¹³¹. Однако линии перехода от воображения к памяти остаются неясными, также как и природа их взаимосвязи внутри ментального акта.

К примеру, в феноменологии индивидуальной памяти Э. Гуссерля важное место занимает проблематика разграничения четырех переплетенных концептов: «воспоминания» (*Erinnerung* – нем.), «образа» (*Vorstellung* – нем.), «изображения» (*Bild* – нем.) и «вымысла» (*Phantasie* – нем.), однако данная работа не была завершена им ни на страницах фундаментального труда «Идеи-1»¹³², ни где-либо еще.

¹²⁹ Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. Москва: Логос: Гнозис, 1994. 192 с.

¹³⁰ Рикер П. Память, история, забвение // Французская философия XX века. Москва: Изд-во гуманит. лит. 2004. 728 с.

¹³¹ Там же. С. 73.

¹³² Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии

Оставим цепочку этих сложнейших рассуждений в духе дескриптивной феноменологии Ф. Brentano (учителя Гуссерля) за рамками нашего внимания, потому резюмируем лишь ее результат. «Вспомненная вещь» может сложиться в сознании в «образ» (*Vorstellung*) как основанный на «изображении» (*Bild*) (то есть иметь некую опору в виде косвенной репрезентации прошлого), так и не иметь такого основания, то есть быть выдумкой (*Phantasie*). Гуссерль здесь фактически следует канонам древнегреческого философского наследия и отводит «воображению» не самую почетную, вторичную позицию в иерархии концептов – в его терминах просматриваются все те же платоновские *эйказия* и *фантазия*, которые определяли роль «воображения» в корректном или некорректном способе передачи разуму явлений внешнего мира.

Не предлагают принципиального пересмотра статуса «воображения» и последователи этой гуссерлианской традиции – А. Бергсон и Ж.-П. Сартр. П. Рикер отмечает, что они также стремились провести разграничения между «памятью» и «воображением» как двумя формами интенциональности: воображение понималось ими как нацеленность на вымышленное, а память как нацеленность на предшествующую реальность¹³³. Вполне интересно различие, проводимое А. Бергсоном, между «памятью, которая воображает» и «памятью, которая повторяет», «чистым воспоминанием» и «воспоминанием-образом», где последнее является смешанным феноменом воображения и памяти¹³⁴. Однако и этот автор в своем анализе уделял большее внимание «памяти», в то время как «воображение» не интересовало его как самостоятельный феномен¹³⁵.

Ж.-П. Сартр начинает разворачивать логику своих рассуждений с позиции «воображения», однако и он не далеко уходит от знакомых нам представлений о вспомогательной природе этого феномена. Ее можно было бы иллюстрировать с помощью метафоры о почтальоне, доставляющим письмо по адресу или же ошибающимся с адресом доставки. Особенностью анализа Ж.-П. Сартра является акцент на транс-

и феноменологической философии. Т. 1. Москва: ДИК, 1999. 336 с.

¹³³ Рикер П. Указ. соч.

¹³⁴ Бергсон А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Москва: Моск. клуб, 1992. 336 с.

¹³⁵ Там же. С. 245.

формации функционала воображения: переходе от иллюзорной функции, которую воображение выполняет, будучи в ответе за «образную» составляющую в том самом концепте А. Бергсона о «воспоминании-образе», к галлюцинаторной функции, где воображение не только «показывает» что-то, но и «заставляет увидеть»¹³⁶.

Перейдем к освещению другой традиции, которая в выбранном формате настоящего исследования представляет для нас большую прикладную ценность, поскольку ее адепты наделяют коллективные сущности способностью сохранять и вызывать в памяти некие общие воспоминания – соответственно, эта традиция имеет очерченное социологическое измерение, восходящее к наследию Э. Дюркгейма¹³⁷. Отечественный культуролог, крупный специалист в области герменевтики, доктор философских наук А.И. Макаров в монографии «Феномен надиндивидуальной памяти: образы-концепты-рефлексия» уделяет пристальное внимание дискуссии, развернувшейся вокруг необходимости закрепить за «коллективной памятью» статус некоего самостоятельного феномена¹³⁸. Сторонники теории меризма в социологии (возможно провести параллели между ними и адептами феноменологии индивидуальной памяти) отказывают любой коллективной памяти в самобытности, поскольку считают ее конструктором, собранным из множества воспоминаний индивидуального происхождения. Таким образом, ее специфика в рамках этого подхода определяется не более чем суммой элементов, участвовавших в той или иной сборке, а также их выборкой и комбинацией. Сторонники социологической школы (А.И. Макаров ссылается на проводников идей французского философа М. Хальбвакса) не только исходят из того, что память обладает неким надындивидуальным измерением, но еще и придерживаются позиции, что этому измерению будто бы присуща собственная онтология¹³⁹.

¹³⁶ *Сартр Ж.-П.* Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 319 с.

¹³⁷ *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва: Канон, 1995. 352 с.

¹³⁸ *Макаров А.И.* Феномен надиндивидуальной памяти (образы-концепты-рефлексия). Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2009. 216 с.

¹³⁹ Там же. С. 8–9.

Что касается самого М. Хальбвакса, на страницах его книг встречается рассуждение, что существует «коллективная среда, внешняя по отношению к индивидуальным сознаниям, но при этом охватывающая их»¹⁴⁰. Именно феномен данной среды, где не только протекает некое «коллективное время», но и разворачивается «коллективное пространство», в том числе «символическое пространство», наводит нас на мысль о том, что содержание «коллективной памяти» имеет смысл изучать с помощью самобытной научной методологии, которая не сводится к сбору и анализу частных воспоминаний. В связи с этим, прежде чем погружаться в практически ориентированное исследование того, как фактор исторического воображения влияет на формирование в коллективной памяти определенных образов прошлого, полезно очертить методологические горизонты, что открывает для нас пресуппозиция о самобытности памяти как надындивидуальной инстанции.

Для нас немаловажно, что социологический подход М. Хальбвакса, как и его импликации, связанные с исследованием фактора воображения, может быть органично вписан в ту систему координат, которая была выбрана изначально – безусловно, здесь речь идет о структурализме и структурном функционализме. Французский философ выстраивал собственное видение надындивидуальной памяти как некой структуры, где индивидуальные воспоминания вписываются в некие «рамки», или, другими словами, встраиваются в систему реперных точек, расположенных во времени и пространстве («коллективном хронотопе»)¹⁴¹. Таким образом «рамки» приводят воспоминания в нужный порядок, поддерживают их целостность и обуславливают функционирование множества важных социальных институтов, варьирующихся по своему масштабу от семьи до целого государства. Тем не менее, здесь важно сделать ремарку: М. Хальбвакс не радикализирует социологическую повестку и потому не утверждает, будто коллективная память полностью детерминирует личные воспоминания человека. Однако он делает особый акцент на моменте, что именно персональный опыт принадлежности к группе становится залогом формирования индивидуальной памяти, при этом большую роль здесь игра-

¹⁴⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 40–41 (2–3). С. 11–12.

¹⁴¹ Хальбвакс М. Указ. соч. С. 11–12.

ет воспитание, полученное от других членов этой группы/сообщества¹⁴².

Помимо объективного «времени» и «пространства» М. Хальбвакс выделяет ряд других элементов данных «рам», среди которых особая роль отведена *логосу* (мышлению, речи и языку), то есть рациональной составляющей, которая вполне претендует на роль «базиса» коллективной памяти. Однако видится потенциально интересным достроить еще один «этаж» к данной конструкции, что выступал бы для «базиса» своего рода эмоционально-чувственной «надстройкой». Разумеется, речь идет о таком факторе как воображение, поскольку данный психический процесс черпает материал для будущих образов преимущественно из опыта прошлого. При этом речь идет не только и даже не столько об индивидуальном, фактическом прошлом, сколько о «коллективном» или «историческом» прошлом, однако здесь мы уже вступаем на территорию исследования коллективного бессознательного и выходим за рамки дюркгеймовской социологии памяти.

В качестве особого горизонта исследования структурных особенностей политики памяти, такой фактор как воображение приобретает ощутимый вес не только в выбранной структурно-функциональной топике, но и в дискурсивных проявлениях символической политики. Особенно привлекательным выглядит междисциплинарный потенциал подобных исследований, поскольку социология коллективной памяти по умолчанию апеллирует к целому спектру различных гуманитарных дисциплин, сочетая в себе уважение к наследию классической социологии Э. Дюркгейма и проявляя немалый интерес к достижениям в области классического и структуралистского психоанализа (З. Фрейд¹⁴³, К.Г. Юнг¹⁴⁴, Ж. Лакан¹⁴⁵), структурной антропологии (К. Леви-Стросс¹⁴⁶,

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Фрейд З. Введение в психоанализ. Москва: Академ. проект. 2020. 477 с.

¹⁴⁴ Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. Москва: АСТ, 2020. 224 с.

¹⁴⁵ Узланер Д.А. Жак Лакан: введение. Москва: РИПОЛ классик, 2022. 288 с.

¹⁴⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. Москва; Санкт-Петербург: Академ. проект, 2008. 562 с.

Ф. Боас¹⁴⁷). Логичным продолжением такого погружения в междисциплинарность выглядит обращение к «социологии глубин», родоначальником и ведущим автором которой выступает французский социолог и антрополог Ж. Дюран. В русскоязычной научной среде, долгое время интерес к философии Дюрана был фрагментирован – вероятно, в силу слабой представленности переводов его ключевых работ.

В настоящий момент времени, исследователю либо необходимо владеть французским языком, чтобы изучить работы автора, либо заняться поиском австралийского издания его главной книги, поскольку это единственный англоязычный перевод, который более-менее доступен, в том числе в виде оцифрованной версии в сети Интернет¹⁴⁸. Однако в 2010-е годы у русскоязычного исследователя появилась возможность познакомиться с принципиальными положениями философии Ж. Дюрана без прямого обращения к оригиналу в силу того, что его изыскания попали в фокус исследовательского внимания отечественного философа и социолога А.Г. Дугина, который издал монографию, посвященную исследованию наследия французского автора¹⁴⁹, а также выпустил курс одноименных видео лекций, основанных на материале этой монографии¹⁵⁰. Излагая наше видение фактора исторического воображения в структуре современной политики памяти, будем обращаться преимущественно к этой монографии, которая поможет нам вычленить символические аспекты теории воображения Ж. Дюрана.

Итак, Ж. Дюран разворачивает все свою философию вокруг феномена воображения, то есть совершает достаточно смелый шаг, отправляясь дальше своих предшествен-

¹⁴⁷ Боас Ф. Некоторые проблемы методологии общественных наук // Антология исследований культуры. Санкт-Петербург: Университет. кн., 1997. Т. 1. С. 499–508.

¹⁴⁸ *Durand G. The Anthropological Structures of the Imaginary / trans. by M. Sankey and J. Hatten. Brisbane: Boombana publ., 1999. 413 p.*

¹⁴⁹ Дугин А.Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию. Москва: Академ. проект: Трикста, 2010. 564 с.

¹⁵⁰ Программа ACADEMIA. Социология воображения. Лекция 1. URL: <https://paideuma.tv/video/programma-academia-sociologiya-voobrazheniya-lekciya-1#/?playlistId=0&videoId=0>

ников, которые отводили воображению второстепенную роль (в рациональной традиции воображение считалось промежуточным и не самостоятельным явлением, расположенным между внешней реальностью и познающим субъектом). Если сформулировать основные постулаты теории Ж. Дюрана, то в них происходит совмещение научных достижений в области психоанализа и структурной социологии, результаты чего можно схематично представить в виде двухэтажной конструкции, где в роли условного «числителя» видится *общественный логос*, а в роли «знаменателя» – *общественный мифос*¹⁵¹. К области последнего как раз относится «воображение» (*l'imaginaire* – фр., далее – *имажинэр*), но понимать его следует особым образом: как базовую инстанцию, которая является «точкой отсчета» для развертывания внешнего мира и конституирует познающий субъект. Таким образом, в данной топике, воображение имеет социологическое измерение, но относится к социальному мифосу, а не логосу. Кроме того, оно видится автором в более широком смысле, чем принято считать, поскольку включает в себя процесс воображения, воображаемое (сами образы) и даже того, кто осуществляет акт воображения (субъект), облик которого не задается *a priori*, а создается самим *имажинэром* в процессе его развертывания¹⁵².

Далее сосредоточимся на тех моментах социологии воображения, которые способны обогатить исследования современной политики памяти. В первую очередь, наше внимание должно быть обращено на два условных «режима» развертывания *имажинэра*, дневной режим (или *диурн*) и ночной режим (*ноктюрн*), а также на те мифологические установки, которые им соответствуют. Разбор этих установок, а также их свойств, позволит исследователю посмотреть под необычным ракурсом как создается социальный логос под воздействием мифоса и в перспективе дальнейших исследований применить полученную методологическую установку к интерпретации событий исторического прошлого, а также конкретным способам репрезентации этих событий в массовом сознании. Всякий режим говорит на определенном «языке» – его роль играют фигуры риторики, тропы, что в свою очередь открывает возможности для различного рода дискурсивных

¹⁵¹ Дугин А.Г. Указ. соч. С. 83–84.

¹⁵² Там же. С. 129–130.

исследований, набирающих все больший вес в пуле методологий анализа политики национальной памяти.

Краткая характеристика «дневного» режима воображения может быть сведена к тому, что этот режим «противопоставляет себя смерти и ведет с ней напряженную борьбу»¹⁵³. В целом, это «героический миф», который фиксирует свое внимание на цепочке нарративов, сюжетов и символов, так или иначе на событийном уровне связанных с войной и ментальной процедурой диаэрезиса (διαίρεσις – *греч.*) на философском уровне. Основными фигурами риторики, на языке которых говорит диурн, выступают *плеоназм* (речевая избыточность, где ее частным примером может быть повторение одних и тех же постулатов) и *гиперболизация* (преувеличение).

«Ночной» режим устроен сложнее, поскольку имеет целых две ипостаси: *мистический ноктюрн* и *драматический ноктюрн*. Оба этих режима являются противоположностью героического режима, в них фактор смерти подвергается либо тотальной (в случае *мистического ноктюрна*) или относительной (в случае *драматического ноктюрна*) эвфемизации, то есть подается уже не как угроза жизни, а как нечто иное.

Нарративы, сюжеты и символы разворачиваются на событийном уровне в виде актов примирения со смертью (*мистический ноктюрн*) или ускользания от конкретных ответов и определенных действий (свойственно обоим *ноктюрнам*). На философском уровне оба представляют собой подмену понятий, приведение к общему знаменателю противоположных, на первый взгляд, явлений реальности, наблюдается склейка, «слипание» разных событий или аргументов в дискуссии¹⁵⁴. Кроме *эвфемизма*, свойственного обоим видам ночного режима, наиболее распространенными фигурами риторики, с помощью которых изъясняется *мистический ноктюрн*, являются *антилогия* (противоречие самому себе), *литота* (намерение преуменьшение). *Драматический ноктюрн* может ярко охарактеризовать метафора «вечного возвращения одного и того же», заикленности событий как в индивидуальной жизни, так и в историческом масштабе, повторяемости событий от случая к случаю, ощущения дежавю¹⁵⁵.

¹⁵³ Там же. С. 92–93.

¹⁵⁴ Там же. С. 100–101.

¹⁵⁵ Там же. С. 123–125.

Применительно к исследованиям символических аспектов политики памяти, взгляд через призму режимов развертывания воображения в целом и изучение языков этих режимов в частности может обогатить методологический пул исследований под эгидой *memory studies*. Такие традиционные методы как исследование общественных дебатов и нарративов по значимым для общества вопросам исторического прошлого, а также исследование различных способов коммеморации памятных исторических событий могут дополняться дискурсивным анализом того, как «дневные» установки по отношению к ним вытесняются «ночными», что повсеместно происходит в неолиберальном дискурсе в рамках пересмотра и размывания объективной истории. Здесь можно вести речь и о том, какую роль фактор исторического воображения играет в реализации стратегий пост-правды, которая предполагает использование заведомо ложных постулатов относительно событий прошлого или настоящего, противоречащих фактам объективной реальности, но зато отвечающих эмоциональному запросу политической конъюнктуры¹⁵⁶. Соответственно, эта стратегия также апеллирует к воображению аудитории, но с точки зрения теории *имажинэра* она не только влияет на формирование в коллективной памяти образов прошлого, но и трансформирует их в терминах того или иного режима, в котором разворачивается *имажинэр*.

Отправной точкой такого анализа может стать выявление троп, фигур риторики в различных источниках: в правовых актах государства, в научных работах (а также в художественном контенте), посвященных представлению и интерпретации исторических вех, попадающих в фокус внимания исследователя. Однако важно учитывать, что *имажинэр* часто разворачивается одновременно в нескольких режимах, и речь следует вести о пропорциональном соотношении содержания «дневных» и «ночных» установок в риторике исследуемого коммеморативного актора, нежели пытаться отследить тот или иной режим в чистом виде – последнее едва ли представляется возможным на практике.

Если рассмотреть в целом официальную политику памяти Российской Федерации по отношению к советскому периоду, уделяя при этом внимание символическим

¹⁵⁶ Русакова О.Ф., Русаков В.М. Дискурс постправды как медиатехнология... С. 11.

аспектам, то наиболее очевидным образом диурнические установки *имажинэра* проявляются в дискурсе о Великой Отечественной войне и, в частности, в дискурсе о Великой Победе. Свойственная *диурну* процедура «диаэрезиса» разводит по разные стороны истории («светлую» и «темную») советский народ-победитель и проигравшие войну народы объединенной фашистами Европы, противостояние с которыми уподобляется сражению с «коричневой чумой» – вполне в гиперболическом ключе. В этой же «дневной» логике развертывания *имажинэра* обретают себя и масштабные празднования Дня Победы 9 мая каждого года, в то время как попытки вторжения «ночного» режима на эту территорию категорически пресекаются, что, в частности, находит выражение в неприятии международного Дня Памяти и Примирения, который отмечается 8 или 9 мая под эгидой Организации Объединенных Наций. С точки зрения «дневного» режима, подобные смещения акцентов и расплывчатые формулировки недопустимы, поскольку всегда интерпретируются как движение в сторону гуманизации «врага», пусть и поверженного, как попытка сгладить противоречия с ним или, что еще опаснее, как попытка «поменяться с врагом местами».

Идеологические противники официальной линии российской политики памяти в своей противоборствующей деятельности берут на вооружение актуальные стратегии пост-правды, которые зиждутся, преимущественно, уже на постулатах «ночного» режима развертывания *имажинэра*. Диапазон проявлений ноктурнического дискурса о Великой Отечественной войне и Победе в ней достаточно широк: мы можем его проследить, начиная от внутренних, частных информационных провокаций вокруг «сдачи Ленинграда немцам»¹⁵⁷ или «невинно погибших» под Сталинградом немцах, «среди которых многие хотели жить мирно и не желали воевать»¹⁵⁸, и заканчивая дальновидно спланированными «диверсиями» в области историографии, где равная степень ответственности за развязывание Второй мировой

¹⁵⁷ Сысоев Г. Прокуратура начала проверку «Дождя» после опроса о блокаде Ленинграда, 30.01.2014. URL: <https://ria.ru/20140130/992152684.html>

¹⁵⁸ Выступление школьника из Нового Уренгоя в Бундестаге. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NANzQ-JlZjE>

войны возлагается как на Советский Союз, так и на нацистскую Германию¹⁵⁹. Последний тренд осуждается на уровне высшего законодательства¹⁶⁰, что свидетельствует об укреплении официальной «дневной» тенденции противостоять «ночному» тренду «смешивать карты в колоде» в неолиберальном запале тотальной инклюзивности, где «черное» становится либо не отличимым от «белого», либо оказывается его «частным случаем».

Однако и сам официальный дискурс, связанный с коммеморацией Великой Победы, не безупречен в своей однородности. Воспроизводство «дневного» режима *имажинэра* внутренне противоречиво, ведь помимо описанных нами внешних атак *ноктюрна* на его диурническую модальность можно проследить, что последняя и сама подвержена размытию собственных же установок. Более того, данное развоплощение осуществляется изнутри главным формальным коммеморативным актором, то есть самой государственной властью.

В качестве примеров такого факультативного проникновения «ночной» повестки в магистральную диурническую канву можно привести ежегодную «драпировку» Мавзолея в день проведения Парада Победы, инициатива чего исходит от Министерства обороны РФ¹⁶¹. Те люди, которые помнят Мавзолей открытым, или хотя бы те, кто смотрел документальный фильм о параде Победы 1945 года, ассоциируют образ свободного от драпировок Мавзолея с одной весьма яркой и запоминающейся картиной – сценой бросания к его подножию нацистских знамен и штандартов. Стоит заметить, что эта акция была подробно и глубоко продумана организаторами парада, инициатива ее проведения исходила от само-

¹⁵⁹ Федоров К. В. Проблема ответственности за развязывание Второй мировой войны в зарубежной историографии 1945–1990 гг. // Гуманитарный журнал. 2015. Вып. 7. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/histarch/271.html>

¹⁶⁰ Федеральный Закон от 01 июля 2021 года № 278-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46972>

¹⁶¹ Синельников-Оришак М. А не спилить ли Мавзолей с Ордена Победы? Когда и почему возникла идея «драпировки», 09.05.2022. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/333639/>

го верховного главнокомандующего, И.В. Сталина¹⁶², потому существуют все основания считать ее неотъемлемым компонентом политики памяти того времени.

Более того, с точки зрения анализа *имажинэра*, данная акция имела строго диурнический характер. Будучи рассчитанной на производство определенного эмоционального эффекта, она оставила неизгладимый отпечаток в коллективной памяти народа и впоследствии оказала влияние на разворачивание воображения будущих поколений – она выступила важным символическим свидетельством не только героизма советских солдат, но и превосходства «красного» (советского) политического проекта над «коричневым» (фашистско-капиталистическим).

Таким образом, современная российская власть столкнулась с определенной дилеммой. С одной стороны, она предельно заинтересована во включении диурнического нарратива о Великой Победе в репертуар собственной политики памяти, что органично вписывается в утилитарную стратегию «использования прошлого в политических целях», поскольку причастность к данному нарративу укрепляет ее собственную репутацию в глазах широких народных масс. С другой стороны, эта же самая власть не заинтересована в воспроизводстве «красного» (советского) дискурса в ходе разворачивания ценного для нее нарратива, поскольку к нему она как раз никакого отношения не имеет. И, соответственно, современная власть в России испытывает определенные опасения, что советский дискурс выставит ее саму в нелицеприятном образе на фоне того политического проекта, который непосредственно стоит за Победой в Великой Отечественной войне.

Итак, официальной властью как ведущим коммеморативным актором была предпринята целенаправленная акция, апеллирующая к коллективному воображению, в процессе реализации которой изначально диурнический нарратив о Великой Победе оказался подвергнут аккуратной «ревизии изнутри»: из него вкрадчивым образом был «вырезан» негодный эпизод с низвержением нацистских знамен и штандартов к подножию Мавзолея. С точки зрения анализа *има-*

¹⁶² Баранец В. Фашистские знамена у стен Кремля бросали, как старые веники, 07.05.2015. URL: <https://www.kp.ru/daily/26378.4/3256842/>

жинэра, сделано это было с целью разрыва в воображении народа символической связи между Празднованием 9 мая и коммунистической идеей, снизив таким образом значимость переживаемого в народной памяти чувства гордости за Советский Союз как воплощения «красного» политического проекта.

С точки зрения *диурнического* режима развертывания воображения, акция по удалению идеологической составляющей советского проекта из нарратива о Великой Отечественной войне, является глубоко *шизофренической*. В связи с чем *диурн* с легкостью обнаруживает в практике драпировки Мавзолея серьезное противоречие и несостыковку, однако с точки зрения *ноктюрна*, особенно его радикальной – *мистической* ипостаси, парадоксальная Победа советского над фашизмом, из которой как будто «вырезан» сам момент *советскости*, является вполне органичным явлением и не должен вызывать никакого недоумения.

Примером вторжения *драматического ноктюрна* на территорию *диурна* можно считать попытку установления памятной доски маршалу Маннергейму¹⁶³, отметившемуся участием в блокадных действиях в отношении Ленинграда со стороны Финляндии. Данная акция также неприемлема с *диурнической* точки зрения, поскольку выглядит наглядной иллюстрацией смешивания «друзей» и «врагов», однако режим *драматического ноктюрна*, главным приемом которого является *замыкание в цикл*, видит здесь проявление «цикличности истории» и преемственности между героями Российской Империи и героями современной Российской Федерации.

Подобные примеры противоречивости коммеморативной политики свидетельствуют о наличии «глубинных вод», протекающих под официальной повесткой, источники которых уходят в область неопределенного отношения к советскому периоду в целом, и в особенности, к Великой Октябрьской революции и к личностям В.И. Ленина и И.В. Сталина. Преуменьшение роли советского военного и гражданского руководства в ряде достижений государства того времени, более того, нарочитая демонизация одних исторических пер-

¹⁶³ Чулков К. Почести Маннергейму и примирение с прошлым, 17.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161017/1479381963.html>

сонажей и «обеление» других в угоду меняющейся внутренней повестке говорит о серьезной идейной трансформации, которую претерпевает мейнстрим (диурнический режим развертывания *имажинэра*), под воздействием «вкрадчивых» ноктюрнических установок.

В заключение отметим, что классический для исследования политики памяти методологический подход, каким является структурно-функциональный анализ, может только обогатиться, если исследователь окажется способен дополнить его измерениями, связанными с изучением символических аспектов политики памяти и анализом исторического воображения в качестве факторов, задающих образно-эмоциональные «рамки» восприятия прошлого для участников коммеморативных практик¹⁶⁴. Рассматривая коллективную память как структуру, состоящую из «рамок» и самих воспоминаний, мы открываем формирование надиндивидуальной памяти в новом ракурсе и видим проблему выстраивания политики памяти под иным углом. Именно фактор воображения позволяет нам сделать вывод, что данные «рамки» не являются пустым хронотопом, который потом заполняют разрозненные воспоминания, превращая его в ткань коллективной памяти. «Рамки» изначально загружены определенным смыслом, который оказывает влияние на процесс отбора воспоминаний в целом, а также на их иерархию, согласно которой формируются приоритеты и ценностные ориентации в отношении событий прошлого. Проанализировать сущность, характер этой загруженности поможет дискурсивное исследование режимов развертывания воображения в массовом сознании, выявить которые возможно с помощью анализа фигур риторики, применяемых для передачи смыслов в ряде нарративов, сюжетов, образов.

¹⁶⁴ Грибовод Е.Г., Ковба Д.М., Моисеенко Я.Ю. Политика национальной памяти... С. 30.